

Цикл
Виталия Храмова
СЕГОДНЯ — ПОЗАВЧЕРА

Сегодня — позавчера
Испытание огнем
Испытание сталью
Испытание временем
Испытание вечностью

Виталий Храмов

ИСПЫТАНИЕ ВЕЧНОСТЬЮ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х89

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 141

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Х89 Храмов, Виталий Иванович

Сегодня — позавчера: Испытание вечностью: роман / Виталий Храмов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-111119-9

Есть ли жизнь после смерти? Есть ли история — после Победы?

Бешеный Медведь выбрался с того света, но как спасти мир от новой войны, как спасти дело Сталина, ведь друзья так легко оборачиваются врагами...

Что ждет его воспитанников, Стальных Медвежат, — вечный бой или вечный покой?

Но вечный покой, как и право называться русским, еще надо заслужить. Или заслужить — вечный бой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111119-9

© Виталий Храмов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Часть I МАУГЛИ

Настроение с самого подъёма было прекрасное. Сегодня выходной, праздник, ещё и в отпуск! Юбилей Победы. Десятилетие Победы. Сегодня будет парад Победы.

Маугли, стараясь ставить ноги тише, прошлёпал в огромную уборную. Он, как всегда, встал вместе с солнцем. Остальные Медвежата ещё спали.

В честь парада Виктор Иванович прислал за ними в Гвардейск свой самолёт. Отличники учёбы весь год ждали этого. Умели их учителя награждать учеников за успехи! В Шереметьево их ждал огромный, сверкающий, как новогодняя игрушка, американский автобус. Такого они ещё не видели. Все Медвежата облепили автобус.

— Оставьте железку, — смеётся Илья Гаврилович. — Точно такой же прибудет домой. Медведь никогда ничего поштучно не берёт. Вернёмся — разберём по винтикам!

И это так. Виктор Иванович — завсегдатай всех международных выставок. Всегда прикупит что-либо новое, необычное. Миша был уверен, сами иностранные производители всячески старались заманить знаменитого сумасброда Стального Медведя на свои стенды. Сам факт покупки товара

Кузьминым — уже реклама товара и производителя. Если сам Сталинский Медведь заинтересовался — вещь стоящая, революционная! А Медвежата потом разбирают, ломают, куда без этого, но потом — копируют.

И Илья Гаврилович пошёл, пощёлкивая протезом. Пощёлкивание — плохо. Опять на себе испытывает новые наработки в протезировании Гвардейского центра медицины катастроф.

В Гвардейске, в их Медвежьем углу, ограждённом треугольником гвардейских егерских дивизий — особые условия. Не виданные в СССР, не то что в мире. За свою не слишком продолжительную жизнь Михаил Кузьмин уже успел повидать многое. Мог сравнить. Жизнь он успел повидать со всех сторон. Умирал в Сталинграде и в Корее, в Китае и в Синайской пустыне, лазил на Эверест, прыгал из стратосферы, ходил по дну океана, посещал муравейники мировых столиц. И нигде не видел такого, как у них, в Гвардейске. Как будто весь город — со страниц фантастики Виктора Ивановича Кузьмина, его приёмного отца.

А вот и он. Миша улыбнулся. Батя — почти без Баси. Голая спина и руки, лишь узловатая полоса телесного цвета прилипла к позвоночнику, накрывая его от затылка до крестца. Жгуты мышц перекатываются под шрамированной кожей — кофе варит. Мама здесь. Ей варит. Медведь, не оборачиваясь, поднял изуродованную шрамами руку и слегка качнул. Приветствует. Миша махнул в ответ спине отца. Виктору Ивановичу не надо оборачиваться. Его слепые глаза видят не только на триста шестьдесят градусов, но и сквозь тонкие стены.

Ни отец, ни сын не произнесли ни звука — дом полон детей, воспитанников Егерской школы, Медвежат. И для каждого они — отец и мама.

Миша давно уже не Мышонок. Давно уже Михаил Викторович Кузьмин. А в бою — ещё и Маугли. Майор егерей, командир разведроты Первой егерской бригады Кровавых Воронов. Элита элит. Осназ осназа. Теперь ещё и Герой Союза. Вчера награждали.

Но как был он молчуном, так и остался. Функционально речь восстановилась. Но зачем говорить, если можно не говорить? Незачем! Лаконичность — наше всё.

— Буду, — шепчет он на едва заметный поворот головы. Батя — услышит.

Миша прошёл в ванную. Надо принять душ. Вчера с ребятами — дали! Миша по этому делу даже пел. Корейскую песню, что понравилась ему в последней командировке.

Поехал подтянуть осназ корейских товарищей, не собирався воевать, в Китае настрелялся до тошноты, а тут — пендосы разбомбили завод Медведя. А ведь Медведь их предупреждал! Много раз. И координаты давал не раз объектов, которые были собственностью Медведя. Пришлось брать диверсантов корейцев и долго-долго бежать по этой по-своему прекрасной стране. Миша хотел сам убрать генерала, что отдал такой дерзкий приказ на бомбёжку завода. И ладно бы завод был стратегический! Производство велосипедов! Вернее, сборка из советских комплектов. Умышленно разбомбили! В лицо плюнули! Такое не прощается. Но Батя решил иначе. Миша только подсве-

тил здание, где генерал изволил принимать девочек. Хорошо хоть не мальчиков. Корректируемая бомба, сброшенная из-за облаков, с такой высоты, что самолёта было совсем не слышно, оставила большую воронку вместо здания. Американцы были уверены, что это была управляемая ракета. Что и требовалось доказать! Мы же никому не скажем, что опытное боевое применение испытательного образца проведено успешно. Пусть боятся того, что сами себе понапридумывали. Это дешевле для страны, чем содержать чрезмерную армию. А потом был марш-бросок назад. И одно боестолкновение. Только одно но — с потерями. Миша вернулся на базу расстроенный — провал! Не смог провести отряд незаметно. У осназа егрей правило — если противник узнал, что пакость сделал именно ты, это провал! Так что задание провалено. Радость на лицах корейских товарищей — не утешение. Это для вас, жёлтых, размен один на четырнадцать — круто. Для нас — провал. И как приговор — отзыв на Родину. А там — награждение, повышение. Неожиданно, оттого вдвойне приятнее.

— Как дядя Фёдор? — спросил Миша отчима, бесшумно возвращаясь на кухню, и скользнул за стол.

— Не вытащишь в Москву даже на парад, — махнул рукой Батя, — загорелся этими головками самонаведения, как одержимый. Я его прошу наладить производство вычислителей, а ему Герой Соцтруда покоя не даёт.

— Героя обещали? — спросил Миша, отхлёбывая огненный кофе, и виновато посмотрел на отца.

Стыдно. Прихлебнул как маленький, а ведь все ещё спят. — А кофе отличный! Бразильский?

— Кубинский. Ещё тебе сигар привёз. Так и балуешься?

— Я только балуюсь. Честно. Если хороший табак. Даже наши, «Гвардейские», не курю. Так что с головками?

— Куда они денутся? Уже есть три ракеты на цель. Дядя Федор меня совсем обобрал. Все умы моего техноосназа сгрёб. Оголил печатанье плат. А там конь не валялся! Ни хрена не работает! А ведь и за микроэлектронику тоже Героя дадут. Нет, ему головки всю голову забили!

— Хорошо, что ты убедил наркомат не тратить-ся на управляемые снаряды. На первый взгляд, это дешевле, чем твоя микросхемная электроника.

Сколько было копий сломано, сколько нервов потрачено, сколько инфарктов заработано!

— А, пустое, — отмахнулся отец. — Как вчера отметили?

— Я — пел.

— Ого! Не знал, что ты можешь столько выпить!

— Я тоже не знал.

— Ты когда женишься? — спросил Батя так неожиданно, что Миша поперхнулся глотком горячего кофе. Выпучив глаза, он беззвучно кашлял. Батя схватил его, как младенца, перевернул, потрянул, поставил на место. Миша покачал головой. Иногда он забывает, какая сила у отца в руках!

— Чё это ты спросил?

— Имею желание повесить на тебя один из филиалов нашего «туризма».

Зная, что так и будет — не отхлёбывал. Иначе опять бы подавился. Диверсии! Его операция пошла в зачёт! У самого строгого экзаменатора — Медведя!

— Кто тебя перестал устраивать? — удивился Миша. Всех командиров групп, что числились СБ туристических компаний, Миша знал лично. Нет школы подготовки осназа лучше Гвардейской школы егерей. А егеря друг друга знают. Если не лично, то через дела, насквозь — секретные и тайные.

— Новое направление, — покачал головой отец, — на перспективу. Экстремальный туризм. У краснокожих. Там у них множество удивительных мест, невероятно красивых. Заодно полигон для наших «управляющих», чтобы жиром не заросли. Чтобы вкус крови и волчьего молока не забыли.

— А-а! Вилкой завалить тигра? Ты не забыл.

— Я ничего не забыл. У меня напоминальник трусами прикидывается.

— Не всем же на танки нужду справлять, — улыбнулся Миша и — разинул рот в беззвучном крике: пальцы отца выкрутили ухо. Знал же, как он злится на этот танк! Не смог сдержаться — подколол! Но ещё раз напомнил себе на пару месяцев залететь на полигон Гвардейска — форму растерял, движения отца даже не заметил, не среагировал. Надо с инструкторами осназа покувыркаться.

Потирая горящее огнём ухо, отпил уже порядком простывший кофе.

— Бать, давай ещё кофейку, а? Такого никто не делает.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Что ты пристал, ей-богу! Не нашёл я её! Пока. Пока не нашёл. Мне какая попало, как Феде, не нужна. Я привередливый. Как ты нашёл маму?

— Её Берия прислал. Хм-м! А это идея! Я тебе сам жену найду! Пока двоих не нашлёпаешь — не видать тебе «Сумрака»!

— Не надо. Сам. Как-нибудь, — буркнул Миша.

Попал! Бате как в башку что втемяшится — не забудет, не отстанет. Дай ему двух «медвежат» — хоть ты тресни! Больше — можно. Меньше — нельзя. А у Миши с этим беда. Робкий он с девушками. В бою орёт, как учитель — рвотный ротный Илья Гаврилович, а с девушками — затык. Немеет. Двух слов связать не может. Какие там дети? Пока языком не уболтаешь — к процессу конвейерной сборки детей не приступишь. Если только Батиным способом — по приказу. Но Батя шутит. Берия не приказывал маме женить Батю на себе. Это её инициатива. Даже не Батина. «Приглядела» за подопечным. Приглядела — себе мужа. И не ошиблась.

— Так, Мышонок, за старшего, — отец встал. И через секунду оказался в парадном мундире, увешанный бронёй наград — аж завидно, одеваться не надо. Не наградам завидно — у Миши своих знаков отличия полная грудь. Начало было положено ещё в 43-м — «За отвагу». Самая ценная — первая, да ещё и сталинградская! Потом была «За оборону Сталинграда». Теперь вот он — Герой Союза. Но самой важной для Миши была медаль ордена Достоинства, полученная из рук отца. За спасение детей от бешеного зверя.

Интересно, через двадцать лет он так и останется для Бати — Мышонком? А отец продолжил:

— Медвежат покормить, матери машину вызвать, кофеем напоить, автобус вызвать для всех. Сбор — на Красной площади. Мне надо пару человечков повидать, пока все собрались в Москве. Да, Коль-Коль будет.

— Коль-Коль? Класс!

— Придёт уговаривать отдать тебя в Академию Генштаба.

— Чё я там забыл?

— И я о том же! Для галочки. Не быть генералом без Академии.

— Так ты же меня в *сумраки* наметил.

— Двое! Двое медвежат. И жена. Иначе в Академию отдам, паркетные генеральскими лампасами полировать. — Отец вышел.

Миша матюкнулся, тут же получил подзатыльник от матери. И тихий смех отца от дверей. И — как по команде — весёлый гомон детворы. У детей так: один проснулся — все проснулись.

Доброе утро, страна!

Праздничная Москва сверкала, как на подарочной открытке. Прошедший ночью дождь вымыл воздух, праздничное солнце раскрашивало город в яркие цвета. Из репродукторов — музыка. Военные песни, через две — авторства отца. Через три — *нашей* студии звукозаписи, из Гвардейска. Священная корова всех музыкантов Союза. Отец туда собрал такую аппаратуру, какой нигде больше нет. А многое сделано руками Медвежат. Потому — не будет. Больше. Никогда и нигде. Но дело не толь-

ко в аппаратуре. А в работниках студии. Они в музыке разбираются. Если взялись работать с кем-либо из творческой банды, будет он знаменитым уже через месяц! А бездарности тщетно отираются у дверей.

И, конечно, «День Победы» — тот, что порохом пропах!

На улицах — людно. Радостные, улыбающиеся люди с цветами, флагами шли в центр города. Большинство в парадной форме, при наградах. Война была народной. И воевал весь народ. И весь народ празднует Победу.

Но даже на фоне праздничных людей Медведжата отличались. Одеждой, покроем одежды, материалом изготовления, расцветкой материалов, насыщенностью цвета, лицами и глазами.

Пришлось идти пешком — автобус безнадежно встал в пробке. Такого наплыва автотранспорта столица не видела ещё никогда. Растёт благосостояние советского народа, работают на полную мощность автозаводы, миллионами автомобилей наполняя дороги страны. И опять же, гвардейские машины — лучшие. Хотя слово «лучшие» не совсем подходит. Они — другие. Просто другие. У них, в Гвардейске, нет автозавода. У них маленькие цеха и гаражи. Маленькие. Пусть и забиты они самым передовым оборудованием, большей частью тут же, в Гвардейске, и собранном, но с горьковским автогигантом не сравнить. Все автомобили, что гордо носят имя гвардейских, ручной сборки. Красивые, стильные. Совершенно другие. Принципиально и стилистически — другие. Всяк сам себе собирает то, что хочет. Не всё сам, конечно.

Ни к чему это. У кого-то лучше получается смерть дёргать за усы, как у Миши, у кого-то — двигатели собирать. Но каждый из Медвежат обязан попробовать всё. Чтобы узнать — а к чему у тебя призвание?

Свой первый мотоцикл Миша собрал в 44-м. Второй — через год. Он получился настолько удачным, что его потом собирали тысячами на Ижмаше. Назывался «Мышонок». У отца особое чувство юмора. Да, отец помог. Помог разработать концепцию. Показал несколько эскизов мотоциклов. Уже готовые идеи — выбирай. А собирать помогал Федя. С этим гением невозможно сделать плохо. А через год они перебрали новый полноприводный автомобиль компании Јеер, что привёз отец. Перелицевали кузов, чтобы был похож на эскиз кузова творчества какого-то индейца чероки, поработали с подвеской, двигателем. Назвали «Вездеход». Тоже удачный. Только ГАЗ отказался его собирать — дороговато получилось для «народного автомобиля». Пусть! Зато особенный. До сих пор на нём на охоту выезжаем.

Только после «Вездехода» охладели к автомобильной тематике и Федя, и Миша. Миша обратно занялся единоборствами, Федя — как влип в электронику, паяя радиолу для «Вездехода», так и не слазит с этой темы до сего дня. Как можно так долго ковыряться с этими проволочками и булавочными козявками с непроизносимыми названиями — конденсаторы, диоды-хреноды? Тьфу! Тоска! Миша с того дня и оружейной тематикой увлекался, йогой, танкостроением, стрельбой, экстремальным вождением, пилотированием вертолёт-

тов, а дядя Фёдор всё «роботов» своих собирает. Хотя их, гениев, не поймёшь!

Гвардейск — особое место. Девственная, дремучая тайга кругом. Егеря. Такие же — суровые и резкие, мрачно-контрастные, как дикая природа вокруг. Под землёй — заводы, комбинаты, промышленность и АЭС. Кругом — запретный лес. Только бетонки и нитки железки тянутся вглубь лесных стен.

А город — сад. Красивый и полный невиданной свободы. Занимайся чем хочешь, кроме тунеядства. Нравится шить одежду? Иди в сберкассу, оформляй займ, оформляй оборудование. Не хочешь покупать — возьми в пользование. Амортизацию только не забывай вносить. Если твоя одежда понравится людям — честь и хвала тебе. Нет — сам виноват. Куда влез, если не твоё? Нравится пироги печь — вообще молодец! Пеки! Пой, танцуй, шей, расти птицу или скотину домашнюю — честь и хвала тебе: кушать всем надо, талоны только-только отменили! Собирай машины, радиоприёмники, телевизоры.

Вон, знакомые ребята собирают кедровый орех — казалось бы, ерунда какая! Чистят, упаковывают в яркие целлулоидные пакетики — по всей стране разлетаются, как в прорву, сколько ни сделай — мало. Они уже столько всяких машин себе понапридумывали — по машинной очистке ядра ореха, переработке и упаковке. А способы доставки, транспортировки? Сколько всего им пришлось придумать на таком простом, казалось, деле! Теперь вот экспериментируют с опытным молочным хозяйством — комбинатом. Задумали сухие молоч-